

Н. Н. АЛЕВРАС, Н. В. ГРИШИНА

РОССИЙСКАЯ ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ

В статье анализируются особенности российской диссертационной культуры второй половины XIX – начала XX вв. В сравнительном ключе рассматриваются данные статистики о количестве диссертаций, защищенных в российских и германских университетах. В фокусе внимания оказываются рефлексии современников и мнения историков об особенностях национальных диссертационных систем. Исследуются законодательные инициативы начала XX в. по вопросу изменения системы приобретения ученых степеней.

Ключевые слова: диссертационная культура, ученые степени, квалификационные требования, национальная диссертационная система.

«Диссертационная культура» как дефиниция терминологические и методологические соображения

Попытки определить национальную специфику российской университетской системы, с выходом на компаративистский подход, предпринимались в последние десятилетия неоднократно. Предложенные научной общественности проекты стали заметным явлением современной науки¹. Особо подчеркнем актуальный для нас акцент этих исследований: как в европейской, так и в российской практике XIX – начала XX вв. именно университеты, а не иные научно-образовательные структуры стали местом подготовки и защиты диссертаций.

Как правило, в современных исследованиях университетов внимание фокусируется на функциях науки и научного сообщества, имеющих политико-идеологическое и социокультурное содержание. Их авторы акцентируют специфику коммуникативных моделей, обеспечивающих связь научной среды с властью и обществом. Гораздо реже в сфере их интереса оказываются проблемы, обращенные к анализу национального

¹ См.: Подготовка «профессорских кандидатов»... 1997; Маурер. 2003. С. 273–301; Она же. 2007. С. 57–78; Дмитриев. 2001. С. 296–335; Он же. 2007. С. 236–255; Александров. 2008. С. 593–632; Университет и город в России... 2009; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»... 2009; и др.

опыта создания (вращения) новых поколений ученых, позволяющего раскрыть процесс преемственности не только научных знаний, но и способов организации научно-исследовательской деятельности.

Наличие известных работ в области изучения законодательной основы университетской жизни, включающих такой актуальный аспект, как нормативно-статусный порядок получения ученых степеней и званий², позволяет сделать следующий шаг в изучении университетской науки в России. Назрел момент для попыток войти в мир ценностей и историю опыта российских ученых (в данном случае – историков), выступающих акторами особого пространства науки, в границах которого происходил процесс «возделывания» ученого-историка как историка-профессионала «высшей пробы». Это пространство мы предлагаем обозначить понятием «диссертационная культура»³, поскольку путь в профессорско-преподавательскую среду и сферу университетской жизни проходил, как проходит и сейчас, через экспертно-квалификационные процедуры подготовки и защиты диссертационных исследований.

Попытаемся сформулировать самое общее определение диссертационной культуры, пригодное, как представляется, для описания различных этапов ее бытования. Под *диссертационной культурой* предлагается понимать совокупность организационных процедур, традиций и ритуалов со стороны научно-образовательных институций, экспертного сообщества и заинтересованных претендентов на достижение научного статуса, направленных на получение научно-исследовательского продукта (произведения), соответствующего принятым квалификационным требованиям и нормам профессиональной сертификации.

Пространство диссертационной культуры формируется из событийных элементов диссертационных историй и результатов творческой деятельности ее активистов, связанных с созданием не только конечного и главного ее продукта – диссертации, но и промежуточных интеллектуальных «субпродуктов». Они в соответствии с логикой принятой модели формирования будущего профессора включают последовательную систему процедур-явлений, порождавших на каждом этапе его научно-образовательной подготовки некие творческие результаты освоения профессии университетского ученого. Среди них такие, как магистерский экзамен, пробные лекции, при положительном результате дававшие право на получение статуса приват-доцента, тезисы диссертации

² См., например: Иванов. 1994; Якушев. 1998; Он же. 2001; Лаута. 2000; Горошко. 2002; Лебедева. 2005. С. 297–303.

³ Авторы впервые обосновали свой подход и наметили некоторые аспекты изучения диссертационной культуры в: Алеврас, Гришина. 2010. С. 9–21.

ции, речь на диссертационном диспуте, отзывы оппонентов, рецензии и отклики на диссертации, эго-произведения, описывающие различные этапы / аспекты той или иной диссертационной истории.

Размышляя над тем, каким образом «разместить» диссертационную культуру историко-научного сообщества в пространстве университетологии и истории исторической науки, авторы статьи приходят к выводу, что она может быть представлена в качестве научного феномена, задающего несколько познавательных ракурсов и подходов. Предметное поле диссертационной культуры имеет прямой выход на историю профессионализации научного сообщества, тесно сопрягается с проблематикой государственной политики в отношении высшего образования, граничит с областью изучения научных карьер, связано с системой межличностных отношений ученых, со «схоларными» и «поколенными» процессами в науке. Обозначенные аспекты целесообразно описывать с позиций задач и методов исторической антропологии, истории научной повседневности, персональной истории. Поэтому начатый нами исследовательский проект предполагается развернуть в контексты «университетского» и «научного быта»⁴. Отталкиваясь от традиций современной отечественной историографии, диссертационную культуру сообщества историков закономерно соотнести и с таким конструктом, как «историографический быт»⁵.

Поиск национальных особенностей диссертационной культуры: историографическая традиция

Национальные особенности диссертационной культуры формировались в рамках тенденций, характерных для западноевропейских научных и университетских традиций. Являясь реципиентом по отношению к культуре Европы, Россия, как известно, активно использовала потенциал ее научного опыта, адаптируя и трансформируя его в соответствии с внутренними условиями социальной жизни и культурными возможностями. В историографии сложилось достаточно стойкое убеждение относительно принципиального сходства развития российских университетов, в том числе в сфере подготовки новых поколений профессорско-преподавательских кадров, с западноевропейскими образцами⁶.

⁴ «Университетский быт» как метафорическое определение встречается в лексике историков с конца XIX в. См., например: *Мякотин*. 1897. С. 1, 33. смысловое наполнение понятия «университетский быт» у В. М. Мякотина связано, в первую очередь, именно с традициями университетской диссертационной культуры. «Университетский быт» вполне соотносим с понятием «научный быт», сформулированным Д. А. Александровым (См.: *Александров*. 1994. С. 3–22).

⁵ *Алеврас*. 2010. С. 516–534.

⁶ См., например: *Андреев*. 2009. С. 9–31.

Уже на рубеже XIX–XX вв. подчеркивалось доминирующее влияние немецкой науки на российскую научную практику. Вместе с тем участники общественной дискуссии о судьбе российских университетов акцентировали внимание на национальных особенностях науки в России⁷. В современных исследованиях также наметилось представление о формировании специфических черт российского научного и университетского опыта, в контексте которого прорисовываются контуры своеобразия национальной диссертационной системы. Интересны выводы Т. Маурер и А. Дмитриева о проявившихся в годы Первой мировой войны тенденциях, связанных с выработкой в России национальной научной традиции. Т. Маурер, фиксируя противоположность позиций российских и немецких ученых по отношению к государственной власти (критическая – у российских и лояльная – у немецких коллег), заключает, что в истории европеизации России «эпоха учебы у немцев... завершилась»⁸. А. Дмитриев, обращаясь к конкретному опыту историков и рассматривая инициативы Министерства народного просвещения (МНП) по расширению академического сотрудничества со странами-союзниками, приходит к схожему выводу: российские академические круги в этот период формировали ориентацию «на самостоятельное научное развитие»⁹.

Отметим, что выводы обоих авторов имеют отношение к науке периода Первой мировой войны, ускорившей процесс формирования национальных исследовательских сообществ. Между тем, национальные модели научно-исследовательской деятельности складывались задолго до этого. Специфика функционирования диссертационных систем различных стран вырабатывалась, в первую очередь, исходя из внутренних потенциалов, а отнюдь не под влиянием внешних обстоятельств.

Тема национального облика науки и ее составляющих элементов не может быть рассмотрена вне сравнительных характеристик. Современными авторами период с 1860-х по 1940-е гг. для европейской науки характеризуется как «эпоха диверсификации, экспансии и профессионализации университетской системы»¹⁰. При этом образцом в XIX в. была германская университетская модель¹¹. Но ориентация на германскую науку не означала отказа от национальных особенностей, характерных для научно-исследовательских моделей других стран Европы¹².

⁷ См., например: *Шершеневич*. 1897; *Сергеевич*. 1897; *Грибовский*. 1905.

⁸ *Маурер*. 2007. С. 76, 77.

⁹ *Дмитриев*. 2007. С. 240–242, 243.

¹⁰ *A History of the University in Europe*. 2004. Vol. 3. P. 55.

¹¹ *Ben-David*. 1970. P. 160–180; *Gzicky*. 1973. P. 479–480; *Сокулер*. 2001. С. 159.

¹² *A History of the University in Europe*. 2004. Vol. 3. P. 55.

Рубеж XIX–XX вв. в развитии европейской науки ознаменовался складыванием специфической ситуации, именуемой исследователями как «интернационализм патриотов»¹³. Европейская наука в этот период предстает как «результатирующая связей различных национальных академических сообществ, неравномерно распределяющих влияние и производительную деятельность в сфере науки»¹⁴. Историками подчеркивается, что каждое национальное сообщество преследовало собственные прагматические цели. В результате, даже политические разногласия, как в случае Германии и Франции после Франко-прусской войны, не становились преградой для развития взаимодействия между учеными этих стран.

В это время Германия в глазах ученых большинства европейских государств продолжала оставаться местом внедрения передовых научных методов и форм организации научных исследований. Согласно Дж. Бен-Дэвиду, лаборатории немецких университетов «становились центрами и средоточием мировых научных сообществ... К концу века лаборатории некоторых профессоров стали столь знамениты, что наиболее способные студенты со всего мира приезжали сюда на тот или иной срок. Список студентов, работавших в таких местах, зачастую включал практически всех значительных ученых следующего поколения»¹⁵.

Сложившаяся ситуация оказывала влияние и на развитие национальных диссертационных систем. Особое значение приобретали командировки, основной целью которых, помимо работы в архивах и библиотеках, было знакомство с творческой лабораторией европейских научных светил¹⁶. На рубеже XIX–XX вв. выросла заинтересованность государства в таких поездках¹⁷, усилился контроль министерских струк-

¹³ Термин был предложен на рубеже 1970–1980-х гг. Б. Шрёдер-Гудехус. Подробнее см.: *Дмитриев*. 2001. С. 296–335.

¹⁴ Там же. С. 297–298.

¹⁵ *Ben-David*. 1971. P. 124. Важно отметить, что с конца XIX в., а особенно в первые десятилетия XX в., германская наука вошла в кризисное состояние, что сказалось на снижении ее авторитета в дальнейшем. См.: *A History of the University in Europe*. 2004. Vol. 3. P. 57. Подробнее о кризисе университетов в Германии см.: *Рингер*. 2008. Главы 6 и 7. С. 364–520.

¹⁶ Так, П. Г. Виноградов писал своему учителю В. И. Герье, что учеба у немецких профессоров должна состоять в «усвоении метода». *Антощенко*. 2010. С. 92. Примерно те же мотивы звучали в письмах из-за границы Н. И. Кареева, П. Г. Виноградова, М. С. Корелина, Р. Ю. Виппера и других учеников В. И. Герье: *Цыганков*. 2010. С. 110–113, 150–172, 250–252 и далее.

¹⁷ По подсчетам исследователей в начале XX в. около 10–15% всех «оставленных» российскими университетами для приготовления к профессорскому званию отправлялись в zahraniчные командировки. Кроме того, «с целью изоляции от радикального отечественного студенчества по проекту министра просвещения

тур за отчетностью магистрантов по итогам заграничных поездок и своевременным представлением диссертационного исследования.

В отечественной историографии, как отмечалось, преобладает интерес к нормативной основе приобретения ученых степеней. Нас же интересуют социальные, историко-культурные и собственно научные характеристики российской диссертационной системы / культуры через изучение ее организационно-научного потенциала и эффективности. Тем не менее, вполне можно обозначить некоторые актуальные вопросы, которые, так или иначе, вычлняются из общего информационного ресурса имеющихся источников и исследовательской литературы, затрагивающих нашу проблему или смежные с ней аспекты.

Начнем с простого, но наиболее впечатляющего сравнения – со статистики защищенных диссертаций¹⁸. Еще современники, например, казанский ученый-юрист Г. Ф. Шершеневич (1897), а еще более выразительно современные исследователи¹⁹, отметили факт существенно меньшего числа диссертаций, защищенных в российских университетах, в сравнении с западноевропейскими показателями. Например, по данным Т. М. Бона, только с 1860 по 1909 гг. «немецкими историками в университетах было написано 3976 диссертаций»²⁰. По нашим подсчетам российскими историками с 1805 по 1919 гг. было защищено всего 275 диссертаций, из них 180 магистерских и 95 докторских (см. Табл. 1).

Из общего числа защищенных в 1805–1919 гг. диссертаций (2939) на историко-филологические факультеты российских университетов приходилось 862 работы, что составляло 29,3%²¹. Гуманитарии занимали второе место по числу защит после естественных факультетов. Ученые-историки высшей квалификации составили немногим более 30% от общей численности диссертаций историко-филологических факультетов²². Произведенные нами подсчеты диссертаций, защищенных историками,

Л. А. Кассо именно в Германии создавались с 1911 г. специальные институты для подготовки таких кандидатов в профессора по римскому праву, латыни и естественным наукам». См.: *Иванов*. 1991. С. 214–217; *Дмитриев*. 2001. С. 296–335.

¹⁸ В основу наших расчетов положены данные, собранные и обработанные выдающимся историком-библиографом Г. Г. Кричевским. Имеется в виду его справочник, создание которого можно приравнять к научному подвигу ученого. См.: *Кричевский*. 1984. Рукопись. См. также: *Кричевский*. 1985. С. 141–153.

¹⁹ В частности, немецкий историк Т. М. Бон (1998, 2005).

²⁰ *Бон*. 2005. С. 36–37.

²¹ См.: *Кричевский* Г. Г. 1985. С. 150; *Якушев А. Н., Кузнецов А.В.* С. 8–9.

²² Подсчитано нами по данным справочника *Г. Г. Кричевского*. Но среди гуманитариев – магистров и докторов – Кричевский не дифференцировал отдельные специальности.

позволяют уточнить масштаб и потенциал собственно исторической отрасли. Отдельно можно определить соотношение диссертационных исследований, выполненных в различных университетах.

Таблица 1

ЧИСЛО ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ РАЗРЯДАМ. 1805–1919 гг.

Университеты	Магистерские диссертации			Докторские диссертации		
	Исторические науки	Русская история	Всеобщая история	Исторические науки, политическая экономия и статистика	Русская история	Всеобщая история
Санкт-Петербургский		34	29	1	7 (из них 1 историческая, прошедшая по разряду «философия») ²³	22 (из них 1, минуя магистерство, и 1 историческая, но прошедшая по разряду «философия») ²⁴ .
Московский		23	20	6	14	11 (из них 2, минуя магистерство) ²⁵ .
Дерптский	2		12			6
Казанский	1	6	3		6	2
Новороссийский (Одесса)		1			2	
Харьковский		6	10	2	2	2

²³ Дисс. Н. Г. Устрялова «О системе прагматической русской истории».

²⁴ Имеется в виду диссертация Н. М. Бубнова, защитившего по разряду всеобщей истории в мае 1891 г. работу «Сборник писем Герберта, как исторический источник (983–997 гг.): Критическая монография по рукописям». За нее он получил докторскую степень, минуя магистерство. А также диссертация М. С. Куторги «Колена и сословия аттические», прошедшая по разряду «философия».

²⁵ Речь о диссертационных исследованиях М. С. Корелина «Ранний итальянский гуманизм и его историография: Критическое исследование» (1890 г.) и Р. Ю. Винтера «Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI века: Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма» (1894 г.).

Университет св. Владимира (Киев)		23	10		9	3
Итого	3	93	84	9	40	46
Всего	180			95		

ПРИМЕЧАНИЕ. Составлено по: *Кричевский Г. Г.* 1984. Рукопись. Дальнейшего уточнения требуют данные по диссертациям, защищенным в первой половине XIX в.

В отличие от западноевропейской традиции в России процесс подготовки и защиты диссертаций вызвал создание разветвленной системы разрядов, в соответствии с которыми присуждались ученые степени. Причем количество разрядов со временем только возрастало: 14 разрядов существовало по Положению 1819 г., 22 разряда – по Положениям 1837 и 1844 гг., 39 разрядов – по Положению 1864 г.²⁶ Г. Г. Кричевский подчеркивал, что в западноевропейском опыте «не было аналогии этому; там ученые степени именовались только по факультету». На его взгляд, университеты России, вырабатывая сложную классификацию разрядов, «находились в более выгодном положении, так как отражение научной дифференциации научных дисциплин способствовало своевременной перегруппировке кафедр, необходимой для усовершенствования университетского преподавания, и позволило учитывать потребности подготовки научных кадров»²⁷. В этом замечании известного исследователя вскрывается особенность организации российской науки и, в том числе, диссертационной системы, заметная до сих пор.

Современники о российской диссертационной системе: мемуарные, эпистолярные и публицистические размышления

Далее не вдаваясь в интерпретационные детали приведенной статистической информации, вернемся к вопросу постановки дел в области подготовки диссертаций. В этой связи важным является обращение к мнениям современников, которые, так или иначе, выразили свое отношение к сложившейся во второй половине XIX – начале XX вв. системе подготовки ученых высшей квалификации. Возможно, это позволит нащупать ответы на вопросы, связанные с небольшим, в сравнении с показателями западноевропейских стран, количеством подготовленных и защищенных в университетах России диссертаций.

В высказываниях многих ученых XIX в. преобладает критическое восприятие сложившихся в России условий для осуществления научной деятельности, в которых оказывались претенденты «на получение про-

²⁶ Иванов. 1994. С. 39.

²⁷ Кричевский. 1985. С. 144.

фессорского звания». Неблагоприятным, в частности, считался тот факт, что штатных единиц для лиц, оставляемых при университете, нормативными положениями не предусматривалось. Известный химик и физик И. А. Каблуков в своей мемуарной статье фиксировал внимание на том, что к концу XIX в. в университетах устойчивой традиции закрепления за профессурой выпускников в целях «подготовки новых кадров» не сложилось. «Оставление кандидата» происходило по личной инициативе того или другого профессора и «зависело от того, насколько сам профессор интересовался подготовкой новых кадров». Поэтому, по мнению ученого, число оставленных кандидатов сосредоточивалось у профессоров «крупной величины», в то время как на отдельных кафедрах «в течение ряда лет не было ни одного оставленного»²⁸. Эти же мотивы слышатся в статьях Г. Ф. Шершеневича и В. И. Сергеевича, написанных в связи с начавшимся в конце 1890-х гг. обсуждением вопроса о перспективах возможного изменения нормативных основ присуждения ученых степеней. Первый из них подчеркивал, обрисовывая общую ситуацию, что «у нас ощущается страшный недостаток ученых, кафедры пусты даже в столицах». Второй обращал внимание на число ученых степеней в России, сравнивая с ситуацией в Германии и констатируя «обилие ученых сил там и недостаток их у нас»²⁹.

Тревога по поводу «крайнего недостатка в подготовленных молодых людях для замещения вакантных кафедр в университетах» вполне ощутима в предписании МНП (май 1901 г.) попечителю Московского учебного округа. Ему вменялось в обязанность собрать сведения о сложившейся ситуации на историко-филологическом, физико-математическом и юридическом факультетах Московского университета³⁰.

Среди неблагоприятных факторов отмечалось также, что министерская стипендия или выплаты из благотворительных фондов были доступны далеко не всем соискателям. Для историков-«всеобщников», которые не могли рассчитывать на успех в защите диссертации без привлечения материалов зарубежных библиотек и архивов, актуальным являлось получение средств от МНП для соответствующих командировок. Возможность же положительного решения министерства по поводу заграничных командировок и стажировок не была гарантирована.

²⁸ Каблуков. 1935. С. 97.

²⁹ Шершеневич. 1897. С. 28; Сергеевич. 1897. С. 18.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 131. Л. 3–3 об. См. также полемику М. К. Любавского и В. Ф. Миллера в экстренном заседании историко-филологического факультета (март 1903 г.) о принципах формирования штатов университетских преподавателей в связи с недостатком профессоров // Там же. Д. 30. Л. 22–27.

Подготовка диссертации в целом требовала существенных материальных затрат. Организационные и финансовые трудности, сопровождавшие практику работы над диссертацией дореволюционного аспиранта, осложненные туманными перспективами получения места в университетской системе, длительный путь к диссертации – от выбора темы до ее защиты – существенно снижали мотивацию молодых специалистов к научной деятельности³¹. Характерный пример – длительные размышления историка А. Е. Преснякова относительно жизненного выбора в момент завершения им университетского курса, когда на «чаше весов» была поставлена научная карьера и деятельность, обеспечивающая материальное благополучие его молодой семьи. Прогноз собственной «ученой карьеры» и профессорства выглядел пессимистичным. По его расчетам времени достижения профессорства³², а также подсчетам материального достатка от научной карьеры следовало, что «ни магистерство, ни докторство, ни доцентура не составляют того, что мы зовем “положением”, не дают обеспечения. Их практичность в рекламе – в большей легкости попасть в различные столичные учебные заведения. Вот что такое ученая карьера с ее житейской стороны»³³. Упомянутый в письме П. Н. Милюков может служить примером сложностей в реализации личного научного потенциала в рамках предлагаемых нормативными положениями и университетскими традициями условий³⁴.

Затронутая проблема, сопряженная, кроме отмеченного выше, с трудностями житейского и бытового происхождения, провоцировала ученых-современников обсуждать тему соотношения прагматических

³¹ Подробнее см.: *Гришина*. 2009. С. 152–177.

³² Объясняя принятую процедуру замещения профессора по кафедре и ситуацию на кафедре русской истории Петербургского университета, А. Е. Пресняков в письме (от 7 декабря 1890 г.) к матери, видевшей перспективы карьеры сына в получении профессорства, с иронией писал: «<...> Так после Замысловского стал профессором Платонов, и я надеюсь, что не доживу до того, чтобы в Петербургском университете был другой профессор русской истории, так как это значит, что Платонов скончался или ушел <...> если я даже буду доцентом, то после Платонова – приблизительно десятым или одиннадцатым кандидатом на кафедру, а это мыльный пузырь». При этом он отметил «везение» С. Ф. Платонова, в 30-летнем возрасте ставшего профессором и читавшего основной курс русской истории, и иную ситуацию в случае П. Н. Милюкова, «человека с крупным именем», которому «университет не дал еще ничего; он ничего не получал и не получает». См.: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 2005. С. 66, 67.

³³ Там же. С. 66.

³⁴ Особенно информативными в отношении истории поиска штатного места с перспективой профессорства для Милюкова являются письма ему от Платонова (начало 1891 г.). См.: Письма русских историков... 2003. С. 248–260.

соображений при выборе научной стези и бескорыстного служения науке. Так, И. А. Каблуков на склоне своей научной деятельности признавался, что не «материальные выгоды», а «любовь к науке» стали основой избранной им профессорской стези и работы над диссертациями³⁵. Подобная позиция характерна для многих молодых историков того времени. Так, поиски собственной профессиональной дороги А. Е. Пресняковым, считавшим, что «настоящая ученая карьера» реализуется исключительно в результатах творческой работы, признаваемых научной общественностью как научное достижение, в конечном итоге, завершились в пользу научного выбора. Он им был сделан не только на основе «любви к науке», но и постепенно приобретаемой уверенности в значимости своей научной деятельности³⁶.

Ученым-современникам было ясно, конечно, что диссертации, кроме научных задач, выполняли квалификационную функцию, создавая возможность обладателям ученых степеней продвигаться по карьерной лестнице. Поэтому иногда (как, например, у А. Е. Преснякова) собственно «ученая карьера», связанная с получением степеней и званий, противопоставлялась свободному научному творчеству и высокому профессионализму ученого. Но вместе с тем, конкретные диссертационные истории, а также общая картина, характерная для российской диссертационной практики, свидетельствуют о складывании такой ее специфической черты как «высокие» требования, предъявляемые в российских университетах к подготовке и защите диссертаций³⁷.

В «высоких» требованиях к диссертациям можно видеть две стороны: одна связана с выработкой в научной среде представлений о качестве, или профессиональном уровне выполнения диссертационного исследования, другая – касается системы норм, правил и традиций, которые порождали практику экспертных оценок, становящихся, в свою очередь, основой присуждения ученой степени. Смысл и характер требований к диссертациям представлялся многим современникам отличии

³⁵ Каблуков. 1935. С. 97.

³⁶ Характерно еще одно суждение историка в письме матери (11 октября 1899 г.) по поводу соотношения научной деятельности и «ученой карьеры»: «<...> Надо стать в самом деле ценной величиной, и тогда более широкий путь сам собою откроется. А иначе не стоит. Неужели ты, мамочка, хотела бы видеть твоего Саню профессором, который пролез в это звание с трудами, написанными ради получения ученой степени, но посредственного достоинства? <...>». См.: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 2005. С. 306.

³⁷ Об этом говорил еще Г. Ф. Шершеневич; этот момент неоднократно подчеркивается в трудах современных исследователей (Г. Г. Кричевским, А. Е. Ивановым, Л. И. Лебедевой и др.).

тельной чертой российской диссертационной системы. Г. Ф. Шершеневич, отмечая организационные и научные основания получения ученых степеней, позволил любопытную «проговорку»: своими предложениями он пытался минимизировать появление «ничтожных в научном отношении работ, подобных громадному большинству заграничных диссертаций»³⁸. В этом с ним солидарен его оппонент В. И. Сергеевич, отмечавший пониженные научные требования к диссертациям в Германии, «где степень доктора давно потеряла строго ученое значение <...> В Германии множество докторов, вся ученость которых исчерпывается одной никому не известной и не имеющей научного значения диссертацией»³⁹. Такие высказывания можно воспринимать как соответствующие представлениям многих ученых-современников о существенно ином – более высоком – научном качестве диссертаций в России в сравнении с европейской практикой. Но при этом тот же Шершеневич видел слабые стороны усложненных в российских университетах процедур подготовки и защиты диссертаций и «высоких» требований, имевших не только существенно-содержательную основу, но и бюрократическую подоплеку. По его мнению, силы российских соискателей в значительной мере тратились на подготовку диссертационных исследований, и нередко их научная продукция ограничивалась двумя диссертациями. Научная репутация западных коллег создавалась на основе последующих за диссертациями исследований, которые апробировались в научном обществе посредством научной критики и экспертных оценок. Автор при этом обратил внимание на то, что в Германии уже с середины XIX в. была введена практика защиты только одной диссертации⁴⁰.

Голоса критиков существующей системы присуждения ученых степеней в конце XIX в. слышались все отчетливей. На рубеже XIX–XX вв. назрела необходимость подготовки нового университетского устава, а также внесения изменений в диссертационные требования.

Диссертационная система в законодательных инициативах начала XX века

Мнения современников, ратовавших за отказ от двухуровневой диссертационной системы и предложения реформировать ее по западноевропейскому образцу, стали основой обсуждения проблем высшего образования и подготовки кадров в этой системе в начале XX века. Первым заметным мероприятием в этом плане стала работа специальной Ко-

³⁸ См.: Шершеневич. 1897. С. 32.

³⁹ Сергеевич. 1897. С. 8, 18.

⁴⁰ Там же. С. 4.

миссии по преобразованию высших учебных заведений, которая подвела свои итоги в 1903 г. Материалы Комиссии свидетельствуют о том, что ее участники, будь-то «архаисты», «традиционалисты» или «новаторы»⁴¹, в той или иной мере апеллировали к европейскому, в первую очередь германскому, стандарту присуждения ученых степеней.

«Новаторы», ориентируясь на европейский опыт, предлагали ограничиться одной докторской степенью. В диссертации они видели лишь квалификационную работу. По их мнению, представление одной диссертации могло бы освободить ученому время для занятия серьезной наукой, а также, учитывая сохраняющийся дефицит профессорских кадров, ускорило бы их подготовку для замещения вакантных кафедр. Один из «новаторов» Б. В. Струве, директор Константиновского межведомственного института, представлявший в Комиссии Министерство юстиции, считал, что «молодому человеку, имеющему склонность к научной работе и творческие способности, не приходится в Германии проходить через целый лес экзаменов и обязательных работ, способных только подавить творческий процесс самостоятельной мысли. Русский ученый, потратив свои молодые силы на преодоление формальных препятствий для достижения кафедры, зачастую теряет всякую энергию для продолжения ученых трудов и почти прекращает свою научную деятельность по получении степени доктора»⁴². «Новаторы» считали, что в Европе докторская степень становилась лишь началом научного пути, в то время как в России после ее получения ученый зачастую начинал почитать на лаврах, значительно сокращая свою исследовательскую активность. Это мнение, как видим, во многом созвучно идеям Г. Ф. Шершеневича.

«Традиционалисты», выступая за сохранение двухступенчатой системы, введенной уставом 1884 г., также сравнивали ситуации в российской и в западноевропейской науке, правда, тональность их выступлений была несколько иной. И. Я. Гурлянд, профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле (от Министерства внутренних дел), считал, что «в России, где по сравнению с Западной Европой, отсутствуют другие факторы, способствующие развитию научной деятельности, сохранение двух ученых степеней, как некоторого стимула к научной работе, является вполне целесообразным»⁴³. В Европе значимую роль играли «развитое общественное мнение и серьезно поставленная

⁴¹ Подобная типология участников дискуссии была предложена *А. Е. Ивановым*. 1994. С. 47. См. также: *Якушев А. Н., Казначеев Д. А.* 2006. С. 162–177.

⁴² Труды высочайше учрежденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. 1903. Вып. II. С. 83.

⁴³ Там же. С. 64.

ученая критика», а соответственно, более высокий уровень научной экспертизы. Они становились гарантами правильного выбора преподавателей; в то время как в России эту функцию выполняли магистерская и докторская диссертации. И. Я. Гурлянд вторил В. Г. Щеглов, также представлявший Демидовский юридический лицей. Он утверждал, что «в России при скудности научных сил и малочисленности кандидатов в профессора, ученые степени занимают важное место в числе условий для замещения кафедр в университетах, <...> ученая степень представляет собой высший образовательный ценз»⁴⁴.

«Архаисты» выступали за возвращение еще и степени «кандидата». Они выдвигали схожие с «традиционалистами» аргументы, которые сводились к тому, что диссертации необходимы для тех, кто «хочет и может заниматься в университете преподаванием и наукой». Интересен взгляд на проблему присуждения ученых степеней А. С. Будиловича, представлявшего в Комиссии МНП, которого современные исследователи причисляют к «архаистам». Видный ученый, обосновывая свою позицию по данному вопросу, обратился к европейскому опыту наиболее детально. Он отметил, что три ученые степени (*baccalaureus*, *magister* или *licentiatus*, *doctor*) зародились еще в европейских средневековых университетах. Они сохранялись на Западе до конца XVIII – начала XIX века, когда «были перенесены в наш университетский устав 1804 г. под названием: 1) кандидат <...>, 2) магистр и 3) доктор». В дальнейшем число ученых степеней в Европе стало неуклонно сокращаться. Наиболее явно этот процесс был выражен в германских университетах. «Ныне средневековые формы этого института всего лучше сохранились в Англии. Во Франции тоже сохранились названия трех старых степеней: *bachelier*, *licencié*, *docteur*; но первое чаще употребляется в значении лица, окончившего курс средней школы и сдавшего в университет приемный экзамен; второе соответствует старинным *licentiatus* и *magister*, а третье – старинному *doctor*». При этом Будилович был далек от мысли связывать число ученых степеней с качеством результатов ученых изысканий в той или иной национальной научной системе. «Если бы число ученых степеней было особенно тесно связано с постановкою университетского преподавания и научной производительности, то должно было бы, следовательно, ожидать, что таковая всего сильнее в Англии, затем во Франции и Италии, а всего ниже в Германии. <...> Между тем, всем известно, что это – не так. В частности же никто не станет отрицать, что научная производительность университетов немецких и культурное их

⁴⁴ Там же. С. 74.

влияние не только не уступают университетам английским, французским, итальянским, но пожалуй и превосходит последние»⁴⁵. В результате Будилович предлагал вносить изменения в российскую систему присуждения ученых степеней и званий, не столько ориентируясь на европейский опыт, который и так лег в основу всех предыдущих уставов, сколько исходя из потребностей национальной науки.

Некоторые выводы комиссии были малоутешительными для российской науки: «Научный труд для многих талантливых молодых ученых <...> превратился в научный аскетизм. Посему и университетские кабинеты, и лаборатории значительно опустели, а научная работа в них увяла <...> Посему научные силы России и поныне все еще малочисленны по сравнению со странами Запада»⁴⁶. Эти наблюдения совпадали с мнениями многих представителей университетской среды, отмечавших негибкую кадровую политику, не допускавшую право занятия должностей без обладания ученой степенью. Проблема соотношения ученых степеней с существующими университетскими должностями неоднократно поднималась во время заседаний. С одной стороны, эта жесткая связанность с фактором «остепененности» становилась барьером на пути замещения освободившихся кафедр и порождала кадровый голод, а с другой, эту традицию участники дискуссии оценивали как еще одну особенность национальной научной культуры. «...Нигде на Западе ученая степень не имеет того практического значения, которое она имеет у нас. Право на получение профессорской кафедры там отнюдь не стоит в зависимости от обладания или необладания определенной ученой степенью, – по крайней мере стоит совсем не в той зависимости от него, как в России», – отмечал А. Н. Деревницкий, представлявший в Комиссии Новороссийский университет. Он считал опасным устранение магистерской степени, как и облегчение ее получения, поскольку она становилась «лишней гарантией» в вопросе о замещении кафедр⁴⁷.

Полемический накал сопровождал и вопрос о методике оставления молодых людей при кафедрах «для приготовления к профессорскому званию». В заглавном докладе, подготовленном В. Г. Щегловым, была высказана мысль об отсутствии в России научных школ, а значит выработанной системы рекрутирования молодых научных кадров. Многие участники Комиссии не согласились с выводом Щеглова. И. Я. Гурлянд считал, что в процессе «оставления» основное значение имеет нефор-

⁴⁵ Там же. С. 61–63.

⁴⁶ Труды высочайше учрежденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. 1903. Вып. IV. С. 132–133.

⁴⁷ Там же. Вып. II. С. 69.

мальное общение и личное взаимодействие, устанавливающее «связь между профессором-специалистом и стипендиатом», которая «образует школу последовательную и систематическую». Примерами такой связи он считал школу, сложившуюся «вокруг профессора Киевского университета В. Б. Антоновича», и школу «изучения Московской Руси у профессора В. О. Ключевского»⁴⁸. А. С. Будилович также отмечал, что российская наука может гордиться целым рядом школ. При этом он считал, что работа с молодыми учеными должна выйти за рамки замкнутого взаимодействия с учителем и проводиться на конкурсной основе. «Поддержание принципа школы» через сотрудничество профессора и кандидата могло «выродиться в узость направления или изолированность от общего движения данной науки в России и за границей»⁴⁹.

Голосование по вопросам о количестве ученых степеней и диссертаций выявило, что члены Комиссии не пришли к единому мнению. Большинство членов Комиссии выступило за две ученые степени и допуск к приобретению первой из них сразу после окончания вуза. По вопросу о том, сколько должно быть подготовлено соискателями диссертаций – одна или две, голоса разделились поровну⁵⁰.

Спустя несколько лет, вопрос о количестве ученых степеней возник с новой силой. В 1906 г. Комиссия под председательством министра народного просвещения графа И. И. Толстого вновь констатировала, что у российской профессуры нет единого мнения относительно идеальной диссертационной системы. И. М. Гревс, В. М. Хвостов, М. Я. Пергамент, И. А. Базанов, Г. Ф. Вороной считали оптимальной двухступенчатую (кандидат, доктор) систему. Их оппонентами стали В. А. Стеклов, В. М. Истрин, Д. А. Гольдгаммер, выступавшие за сохранение прежней системы магистерства и докторства. «Архаистом» в этой комиссии стал Н. М. Бубнов, который считал, что необходимо было признать три ученых степени (кандидат, магистр и доктор)⁵¹.

Общий вывод Комиссии 1906 г. состоял в том, что целесообразно учредить две ученые степени (кандидат и доктор), т.е. магистерская диссертация заменялась кандидатским сочинением, суть которого состояла в умелой компиляции научной литературы. Защита кандидатской диссертации должна была проводиться в закрытом университетском заседании, для презентации докторской – предполагался публичный диспут⁵².

⁴⁸ Там же. С. 44.

⁴⁹ Там же. С. 43, 46.

⁵⁰ Там же. С. 93, 94.

⁵¹ Труды Совещания профессоров... 1906. С. 16–17.

⁵² Там же. С. 19–25.

Доводы в пользу уничтожения магистерства опять-таки черпались из практики европейских университетов. Профессор Харьковского университета В. Я. Данилевский в «особом мнении» писал о *«своевременности уничтожения магистерской степени»*: «Вообще говоря, академическое значение ученых степеней на Западе, как показателя формального права на кафедру, постепенно все более и более падает. Подобную же инволюцию или переход к рудиментарному значению, по-видимому, претерпевают ученые степени в указанном смысле – и у нас. <...> Но рядом с этим следовало бы обставить получение степени кандидата такими условиями, которые дали бы возможность <...> диагностировать способности и пригодность аспиранта к предстоящей ученой карьере. Этим путем можно было бы своевременно предотвратить опасность неправильного выбора профессиональной деятельности; решение же этого вопроса на докторском испытании или диспуте было бы слишком запоздалым и могло бы иной раз вызвать коллизию между интересами дела науки и элементарным чувством гуманности»⁵³.

Слухи о скорой отмене магистерской степени быстро распространились. Так, А. Е. Пресняков в одном из писем жене в 1906 г. писал об этом как о свершившемся факте: «<...> Теперь отменяются магистерские диссертации. Ученая степень будет одна – докторская»⁵⁴.

***Университетская политика и «высокие требования»
к диссертационным исследованиям в российской практике:
несколько эпизодов из научной жизни рубежа XIX – XX вв.***

Понимание ситуации, связанной с российской спецификой диссертационной системы и процедурной стороной получения ученых степеней, вытекает из характера общего контекста университетской политики российской власти. Складывавшаяся национальная диссертационная система с ее «высокими» требованиями и бюрократическими препонами на пути к обретению соискателем ученых степеней места в университетской системе, дала отмеченный уже «статистический» результат: число лиц с официальным «ученым» статусом в сравнении с западноевропейской практикой было чрезвычайно мало. Вероятно, за этим фактом стояло, прежде всего, нежелание (или невозможность в силу экономических причин) российской власти нести финансовые затраты на университетскую культуру, которая создавала в лице ученых потенциально опасную для власти оппозицию – ее идеологического и культурного конкурента. В отличие от преобладающей части немецкой профес-

⁵³ Там же. С. 241–243.

⁵⁴ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 2005. С. 544.

суры, сформировавшейся в традициях государственно-патриотической программы⁵⁵, в российских университетах, особенно в среде научной молодежи, доминировали либеральные и демократические настроения.

В России, на наш взгляд, создавался особый «диссертационный режим». С одной стороны, он вынужден был соответствовать основному политическому курсу правительства в области высшего образования и академической науки. С другой – был ориентирован профессорской корпорацией на поиск возможностей приспособить его к научным задачам подготовки высококлассных специалистов. По первому моменту интересно определение Д. А. Александровым специфической функции системы присуждения ученых степеней. В частности, он подчеркивает отличающиеся от университетских традиций особенности научного быта Императорской Академии наук. Отмечая, что Академия наук не стала, как это можно было бы предположить, оплотом консерватизма, Александров поясняет причины индифферентности к ученым званиям, демонстрируемой представителями академической науки: «академики были лишены главного механизма власти университетских мандаринов – они не могли присуждать научные звания магистров и докторов»⁵⁶. Характерно в контексте этого суждения обращение Александрова к образам двух историков: С. Ф. Платонова и А. С. Лаппо-Данилевского как антиподов в рамках типологического подхода, предложенного Ф. Рингером при изучении академического сообщества в Германии. Первый из них – успешный («полный») университетский профессор, лояльный власти (учитель детей Александра III и обладатель семи орденов), выступает как образцовый «ортодоксальный мандарин». Второй – адъюнкт Академии наук, не имевший докторской степени, ученый либеральной политической ориентации, ставивший идеалы науки выше карьерных соображений, предстает образцовым «модернистом»⁵⁷.

Полагая, что в российском варианте научной культуры классических «мандаринов» было, в сравнении с немецким аналогом, меньше, хотя бы по критерию политических настроений, отметим, что общее соотношение этих двух типов университетских ученых еще предстоит установить. Но подчеркнем, одновременно, методологическую актуальность обозначенной типологической границы, проведенной в немецкой и российской историографии, не только для идентификации научных сообществ, но и для понимания специфики диссертационной системы.

⁵⁵ См.: Рингер. 2008.

⁵⁶ Александров. 2008. С. 620.

⁵⁷ Там же. С. 621.

Из вышесказанного вытекает, что система присуждения ученых степеней в дореволюционной России может рассматриваться как инструмент государственной политики, регулирующий состояние научного сообщества – от численности и материального положения до его политических настроений. Но между этими крайними параметрами / характеристиками находится существенный элемент университетской системы и важнейшая функция научной корпорации: речь идет собственно о культуре «вращения» ученого. Этот аспект позволяет обратиться к другой стороне «диссертационного режима», в связи с тем, что регулирование процесса «вращения», практически, выходило за пределы компетенции власти. В этой связи, тема «высоких требований» к диссертациям российских соискателей может быть спроецирована в область творческой деятельности – и молодого ученого, создающего диссертацию и готовящегося к получению ученого звания, прежде всего магистра, и представителя старшего поколения, претендовавшего на докторство и зачастую выступавшего в роли наставника-учителя.

Многочисленные примеры диссертаций российских историков изучаемого времени – незаурядных по проблематике, инновационных по методологии, оригинальных по замыслу и фундаментальных по источниковому обеспечению – дают основание рассматривать их в качестве значимых явлений в истории отечественной исторической науки. Профессорская корпорация российских университетов сумела использовать как условия официально-бюрократического происхождения, так и повышенные требования к содержательной стороне диссертаций, а также к процедуре их экспертных оценок, в целях подготовки ученых глубокой и разносторонней научной эрудиции, ориентированных при создании диссертационных исследований на поиск нового знания.

Сюжет о «качестве» и научном уровне диссертаций выводит на обсуждаемые на рубеже XIX–XX вв. проблемы подготовки кадров ученых, организации диссертационных диспутов и системы присуждения ученых степеней. Особое место занимал вопрос о соответствии содержания и, как бы сейчас сказали, методологического инструментария защищаемых работ выдвигаемым экспертным оценкам, в связи с чем актуальность приобрела проблема диссертационного диспута как формы и традиции репрезентации диссертационной продукции. Ряд защит в конце XIX в. имели в своей основе конфликтные ситуации, некоторые из диссертационных историй приобрели скандальный характер⁵⁸.

⁵⁸ О конфликтах и скандалах в науке см.: Шпёрхазе. 2009. С. 9–16; Свешников. 2005. С. 231–262; Он же. 2009. С. 42–72.

Конфликт высокого накала назрел в Московском университете в связи с известной защитой магистерской диссертации П. Н. Милюковым. Описание диспута и отношение к конфликтной ситуации оставили ряд современников; проблема нашла отражение в историографических исследованиях⁵⁹. Подчеркнем, что на примере случая Милюкова весьма выразительно выглядит связь проблем получения статуса ученого со стремлением соискателей к интенсивному карьерному росту. Такой тип стратегии мог обеспечить претенденту на ученую степень быстрое достижение высокого рейтинга и места в иерархической структуре университетской науки, а также – устойчивое материальное положение.

В случае с талантливым П. Н. Милюковым понятнее становится стремление амбициозного соискателя создать диссертацию, научный уровень которой позволял бы, минуя ступень магистерства, достичь докторства и профессорства. В этой истории, некоторым образом, просматриваются, идущие от молодых ученых-соискателей импульсы, которые объясняют мотивы реализации «высоких требований» к уровню и качеству диссертации: диссертация в России становилась инструментом приобретения не только научного, но и институционального капитала. Достижение подобных целей требовало огромных затрат интеллектуальной, эмоционально-психической и физической энергии и порождало всю гамму противоречий в научном сообществе – от научного соперничества и конфликта до научного скандала. Но в отличие от научного конфликта, основанного, как правило, на несовпадении научных позиций⁶⁰, скандал в науке оказывается замешанным на несколько иных интенциях. Конечно, грань, отделяющая конфликт от скандала в каждом конкретном случае должна определяться и аргументироваться отдельно. Скандалная ситуация в общей ее модели, на наш взгляд, выходит за пределы собственно научных разногласий и часто бывает порождена такими отклонениями от принципов научного этиоса, которые воспринимались как вызов сообществу ученых. Негативная реакция на этот вызов формирует скандалную историю. Заметим, одновременно, что оба типа нарушения консенсуса и толерантности в научной среде следуют воспринимать как элемент научного / историографического быта.

⁵⁹ Детальнейшим образом особенности взаимоотношений магистранта Милюкова и его руководителя Ключевского накануне и во время диссертационного диспута, а также процедура обсуждения факультетом статуса его диссертации представлены в монографии об историке: *Макушин, Трибунский*. 2001. С. 50–76.

⁶⁰ По К. Шпёрхазе, «...научно-теоретическая релевантность интеллектуального конфликта состоит в том, что он сообщает спорящим сторонам знание, которого они без него получить бы не смогли. Интеллектуальные конфликты – такова моя главная гипотеза – не есть нечто внешнее знанию». *Шпёрхазе*. 2009. С. 11.

Своеобразной институциональной площадкой, на которой развивались сценарии конфликтов и скандалов, нередко становился диссертационный диспут. Уже упомянутый случай с П. Н. Милоковым – не единственный в истории российских диссертационных конфликтов – может быть дополнен докторским диспутом Н. Д. Чечулина. Защита его диссертации⁶¹ и возникшая до и после этого события волна публикаций по поводу как характера диссертационного исследования, представленного к экспертизе научному сообществу, так и самих способов экспертных оценок, составляют основу возникшего конфликта. Он квалифицируется нами как научный скандал.

Не фиксируя всех деталей этой диссертационной истории, попытаемся определить ее место в контексте упомянутых «высоких требований» российской диссертационной культуры, предъявляемых к трудам соискателей на ученую степень. Среди статей современников, ставших выражением реакции на результаты диссертационного диспута Н. Д. Чечулина в декабре 1896 г.⁶², выделяются публикации Г. Ф. Шершеневича, В. И. Сергеевича и В. А. Мякотина. Их замысел и пафос различаются. Первые из названных пытаются извлечь из утвердившихся традиций российской диссертационной культуры определенные «уроки» для преодоления ее негативного опыта. Это позволило им поставить вопросы о реформировании нормативных положений, касающихся организации научной экспертизы диссертаций. Поэтому авторы, имея в виду диспут Чечулина, не касаются его диссертации и не сообщают фамилии виновника скандальной истории. Выступления Г. Ф. Шершеневича и В. И. Сергеевича можно рассматривать как некий пролог к работе выше охарактеризованных комиссий при МНП.

Иной характер имела публицистическая статья-отзыв В. А. Мякотина. На фоне изложения общих проблем, связанных с особенностями российской диссертационной системы, и собственной полемики с Шершеневичем, он выражает мнение и по поводу конкретной истории с защитой диссертации Чечулиным⁶³. Опираясь и на уже высказанные в печати мнения, В. А. Мякотин критиковал эту диссертацию по ряду по-

⁶¹ См.: *Чечулин*. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762–1774). СПб., 1896. Официальными оппонентами автора выступали С. Ф. Платонов и В. Г. Васильевский.

⁶² В печати появилось более дюжины отзывов на диссертацию и диссертационный диспут Н. Д. Чечулина. Наиболее значительными были выступления В. А. Бильбасова, Н. И. Кареева, В. М. Мякотина, В. И. Сергеевича, Г. Ф. Шершеневича.

⁶³ *Мякотин*. 1897. С. 10–34. Случай с диспутом Чечулина затрагивался и современными историками: *Кричевский*. 1985. С. 150; *Иванов*. 1994. С. 159–160.

зий. В частности, он отмечал слабое знакомство диссертанта с литературой вопроса и целым рядом источников, в особенности польского происхождения, особо подчеркивалось незнание соискателем иностранных языков, ставшее причиной ограниченности диапазона его представлений о научно-информационной обеспеченности избранной темы. Фиксировались многочисленные фактические ошибки и пробелы в эмпирическом материале, а также отсутствие ясно выраженной рефлексии относительно предложенного в исследовании научного инструментария.

Особое внимание В.А. Мякотин сосредоточил на выяснении причин обостренного интереса прессы к инциденту. Соглашаясь с тем, что и до этого было защищено немало слабых диссертаций⁶⁴, он квалифицирует ситуацию следующим образом: «Но лишь в очень редких случаях ученые достоинства диссертации стояли так низко, а снисходительность ученой коллегии доходила до такой высокой степени, как это было на диспуте г. Чечулина...». Он подчеркивал, что «от начала и до конца» диспут «носил совершенно необычный характер, открывая глазам изумленной публики совсем, по-видимому, неожиданные для нее стороны современного университетского быта». При этом была высказана критика и в адрес С. Ф. Платонова, автора положительного факультетского отзыва на диссертацию (он стал основой допуска соискателя к защите), и, одновременно, оппонента Чечулина. Критике подверглась и позиция факультета, большинство которого, по мнению Мякотина, отнеслось к диспуту формально, «отбыв его как скучную и ни к чему не обязывающую повинность»⁶⁵.

Позиция Мякотина в отношении диспута определенным образом отражает специфическую ситуацию в российской диссертационной системе конца XIX в. и позволяет уловить представления современников об уровне требований к качеству диссертаций. Прежде всего, здесь заметна тревога относительно проявляющихся черт рутинности в отношении научной общественности к экспертизе и процедурным сторонам защиты диссертаций. Факты рутины в этой процедуре уже фиксировались в начале 1870-х годов. В частности, известный этнограф, секретарь и редактор Чтений ОИДР – Е. В. Барсов, который оставил в 1872 г. описание магистерского диспута В. О. Ключевского, представив его как неза-

⁶⁴ Так, М. С. Корелин в одном из писем к В. И. Герье (17 апреля 1895 г.) описывает диспут Миронова следующим образом: «...несмотря на тяжелый тон оппонентов, публика безмолвствовала, и факультет удалился с плохо скрытым смущением. Если так дело пойдет дальше нам и свистать будут. ...если публика будет требовательней факультета к научным достоинствам диссертаций, то это плохой признак». См.: *Цыганков*. 2010. С. 311–312.

⁶⁵ *Мякотин*. 1897. С. 10, 12, 16.

урядное явление научной жизни Московского университета, выделяя это событие «из ряда подобных диспутов, *отзывающихся обыкновенно официальной мертвенностью*» (курсив наш. – Н. А., Н. Г.)⁶⁶.

Но из контекста описания Е. В. Барсова ясно, что он имел в виду, прежде всего, научную талантливость соискателей и повышенный интерес у членов диссертационной коллегии, вызванный содержанием и оригинальностью их диссертаций и речей на диспуте. Оживленные дискуссии на диспутах расценивались как положительная сторона защиты. Несколько различающиеся акценты наблюдателей за диссертационными диспутами в случае с В. О. Ключевским и в истории с Н. Д. Чечулиным, представляют две различные ситуации, сложившиеся в 1860–70-е гг. и на рубеже веков. Период времени, когда проходила защита В. О. Ключевского, не баловал научное сообщество большим количеством защит, интересными диссертационными исследованиями и «живыми» диспутами. Случай с В. О. Ключевским воспринимался как позитивное исключение.

Рубеж XIX–XX вв. характеризовался иной ситуацией – подъемом в диссертационной культуре. Процесс формирования научных школ в российских университетах, рост численности студенчества и, соответственно, магистрантов, в том числе на историко-филологических факультетах, развитие института приват-доцентуры можно рассматривать как факторы, стимулировавшие научную деятельность ученых и динамику роста защит диссертаций. Так, хорошо известна «полоса» успешных защит диссертаций по истории в Петербургском и Московском университетах. С 1890 по 1919 гг. в двух университетах были защищены 83 диссертации (51 магистерская и 32 докторских). Отметим, что в 1860–1880-е гг. общее число защищенных диссертаций Москве и Петербурге составило лишь 52 (32 магистерских и 20 докторских)⁶⁷. Многие из них и сегодня воспринимаются как высококлассные научные труды. Примером могут служить диссертации П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова, И. М. Гревса, М. С. Корелина, П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословского, М. К. Любавского, Ю. В. Готье, А. Н. Савина, Л. П. Карсавина. Само собой разумеется, что фактор индивидуальной талантливости играл существенную роль, создавая основу для дифференциации выполненных дис-

⁶⁶ См.: Диспут Ключевского. 1914. С. 65.

⁶⁷ Общая статистика и периодизация защит диссертаций по историческим специальностям выглядит следующим образом: в 1860–1880-е гг. в российских университетах было защищено 93, в 1890–1919 гг. – 123 диссертационных исследования. За весь предшествующий период в российских университетах было защищено 59 диссертации. Подсчитано по справочнику Г. Г. Кричевского.

сертаций на «сильные» и «слабые». Но значимыми были и создаваемые усилиями профессорской корпорации традиции подготовки магистрантов, ориентированные на формирование творческой индивидуальности ученого и выработки самостоятельности научного мышления.

Именно на фоне обозначенного подъема докторская диссертация Н. Д. Чечулина явно выбивалась из рамок сложившихся норм и традиций диссертационной культуры. Как ни странно, но инцидент с его диссертацией можно рассматривать как показатель «высоких требований», предъявляемых российским историко-научным сообществом к содержанию и общей научной культуре их исполнения. Несоответствие стандартам сразу вызвал своего рода протестный взрыв у научной общественности. Конечно, ни в коей мере нельзя идеализировать российскую диссертационную культуру, показателем чего и являлась деятельность упомянутых министерских комиссий, выявивших слабые ее стороны. Но в целом, с учетом «жесткой» правительственной политики по «университетскому вопросу» и высшему образованию в России, университетская среда нашла способы подчинить специфику диссертационной системы для результативного решения проблем в области выявления и формирования талантливой творческой молодежи, способной к фундаментальным научным исследованиям. Правда, условия, в которые была поставлена российская диссертационная культура, вынуждали научное сообщество действовать на ограниченном поле потенциальных претендентов на ученые степени, а в деле их подготовки придерживаться принципа – «лучше меньше, да лучше».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н. Н.* Что такое «историографический быт»: из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: УРСС, 2010. С. 516–534.
- Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. С. 9–21.
- Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. 968 с.
- Александров Д. А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.
- Александров Д. А.* Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии 1890–1933. М., 2008. С. 593–632.

- Андреев А. Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в.: Сб. ст. / [Отв. сост. А. Ю. Андреев; отв. ред. серии А. В. Доронин]. М.: РОССПЭН, 2009. 335 с. (Россия и Европа. Век за веком). С. 9–31.
- Антощенко А. В. Диссертации П. Г. Виноградова // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. С. 85–120.
- Бон Т. М. Русская историческая наука / 1880 г. – 1905 г. / Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб.: Олериус Пресс, 2005. 272 с.
- «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в.: Сб. ст. / [Отв. сост. А. Ю. Андреев; отв. ред. серии А. В. Доронин]. М.: РОССПЭН, 2009. 335 с. (Россия и Европа. Век за веком).
- Горошко О. Н. Роль Министерства народного просвещения, Академии наук и университетов Российской империи в истории развития института диссертаций (1724–1919): Дисс. ...канд. ист. наук. Пятигорск, 2002. 192 с., прил.
- Грибовский В. М. Прошедшее и настоящее русских и западно-европейских университетов. СПб., 1905. 11 с.
- Гришина Н. В. «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX в. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. С. 152–177.
- Диспут Ключевского (Приложение II) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. М., 1914. Кн. 1. С. 65–71.
- Дмитриев А. Н. Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 296–335.
- Дмитриев А. Н. Первая Мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау. СПб.: «Нестор-История», 2007. С. 236–255.
- За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнманна и Э. И. Колчинского. СПб., 2002. 527 с.
- Иванов А. Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. 392 с.
- Иванов А. Е. Учёные степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М.: ИРИ РАН, 1994. 198 с.
- Каблуков И. А. Как приобретали ученые степени в прошлое время // Социалистическая реконструкция науки. 1935. Вып. 9. С. 96–102.
- Кричевский Г. Г. Диссертации университетов России. 1805–1919. М., 1984. Рукопись.
- Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–153.

- Лаута О. Н.* Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета (начало XIX–XX вв.): Дисс. ...канд. ист. наук. Невинномысск, 2000. 185 с., прил.
- Лебедева Л. И.* Магистратура в XIX – начале XX в. как институт подготовки научных и научно-педагогических кадров в России // Вопросы образования. 2005. № 4. С. 297–303.
- Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. 439 с.
- Маурер Т.* Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // Из истории русской интеллигенции. Сб. материалов и статей к 100-летию со дня рождения В. Р. Лейкиной-Свириковой. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 273–301.
- Маурер Т.* «Война умов» и общность европейцев. Размышления по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау. СПб.: «Нестор-История», 2007. С. 57–78.
- Мякотин В. М.* Диспут и ученая степень // Русское богатство. 1897. Июль. № 7. С. 1–34.
- Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков) / Под ред. проф. В. П. Корзун. Омск: ООО «Полиграфист», 2003. 306 с.
- Подготовка «профессорских кандидатов» и присуждение ученых степеней в университетах Западной Европы и России: становление и развитие / Сост., предисловие и общ. ред. А. Н. Якушева. Ставрополь, 1997.
- Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 / Пер. с англ. Е. Канищевой и П. Гольдина. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
- Свешников А. В.* «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, Г. К. Садретдинова. Вып.1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 231–262.
- Свешников А. В.* Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42–72.
- Сергеевич В. И.* О порядке приобретения ученых степеней // Северный вестник. 1897. № 10. С. 1–19.
- Сокулер З. А.* Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб: РГХИ, 2001. 240 с.
- Труды высочайше учрежденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. I – IV.
- Труды Совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве народного просвещения графа И. И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906.
- Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 784 с., ил.

- Цыганков Д. А.* Профессор В. И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010. 503 с.
- Шершеневич Г. Ф.* О порядке приобретения ученых степеней. Казань, 1897. 33 с.
- Шпёрхазе К.* История науки как история конфликтов (на примере дискуссий в теории литературы) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 9–16.
- Якушев А. Н.* Законодательство в области подготовки научных кадров и присуждения учёных степеней в России (1747–1918): история и опыт реализации. СПб., 1998. 291 с.
- Якушев А. Н.* Порядок присуждения учёных степеней в России (1747–1918): развитие и реализация правовых идей, проектов, законопроектов и нормативных правовых актов (на опыте научного направления): Дисс. ...д-ра юрид. наук. Невинномысск, 2001. 513 с.
- Якушев А. Н., Казначеев Д. А.* Проблемы законодательства в сфере производства ученых степеней в Российской империи // Право и образование. 2006. № 3. С. 162–177.
- Якушев А. Н., Кузнецов А. В.* История русской диссертации в исследованиях Г. Г. Кричевского // Омский научный вестник. 2007. № 3. С. 7–9.
- A History of the University in Europe. Vol. 3. Universities in the nineteenth and early twentieth centuries (1800–1945) / Ed. by W. Rüegg. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Ben-David J.* The rise and decline of France as a scientific centre // Minerva. 1970. Vol. 8. № 2. P. 160–180.
- Ben-David J.* The scientist's role in society: A comparative study. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1971. 207 p.
- Gizycki R.* Centre and Periphery in the International Scientific Community: Germany, France and Great Britain in the 19th Century // Minerva. 1973. Vol. XI. № 4. P. 474–494.
- Алеврас Наталия Николаевна*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета; vhist@mail.ru.
- Гришина Наталья Владимировна*, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета; natalyagrishina@mail.ru